

ИДЕЯ “КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ” И ИТАЛЬЯНСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ФАШИСТСКОЙ ЭПОХИ

Проблема соотношения идеологии “Консервативной Революции” и фашизма до настоящего времени остается не до конца разрешенной. Во многих современных исследованиях отмечается достаточно тесная взаимосвязь между идеями традиционализма, ставшими основой концепции “консервативной революции”, выдвинутой Артуром Мёллером ван дер Бруком, Рене Геноном, Юлиусом Эволой и др., и идеологией германского национал-социализма¹. С другой стороны, применительно к идеологии итальянского фашизма подобная взаимосвязь фиксируется значительно реже.

Александр Дугин, современный российский философ и идеолог традиционализма (свою теорию он назвал “Интегральным Традиционализмом” – вслед за Артуро Регини, Рене Геноном и Юлиусом Эволой²), рассматривал в одной из обобщающих своих работ (названной им “Консервативная Революция”) в числе традиционалистских и такие движения, как германский национал-социализм, итальянский фашизм (прежде всего ранний фашизм периода “движения” и поздний, республиканский фашизм 1943-1945 гг.), испанский фалангизм раннего периода, даже румынскую “Железную гвардию”. При этом Дугин подчеркивает, что традиционалисты от крайне правой позиции могут перейти к крайне левому, революционному и даже социалистическому и коммунистическому крылу, оставаясь при этом предельно последовательными и логичными в своих поступках, хотя крайне правая позиция для традиционалистов является более естественной³. Однако российская концепция “Интегрального Традиционализма” и трактовка “консервативной революции” коренным образом отличается от европейских традиционалистских учений: А. Дугин, как и русские фашисты предвоенной эпохи, считает, что неотъемлемым элементом самоидентифика-

¹ См., например: Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. *Консерватизм в прошлом и настоящем*. М, 1987. С. 85-87.

² См.: Rossi M. “*Lo stato democratico*” (1925) e l’*antifascismo antidemocratico di Julius Evola* // *Storia contemporanea*. 1989. N 1. P. 9.

³ Дугин А. *Консервативная Революция*. М., 1994. С.5. Следует отметить, что автор концепции вполне последователен не только в теории, но и на практике: лидер русского правого традиционализма оказался, вместе с крайне левым политиком и писателем Эдуардом Лимоновым, одним основателей Национал-большевистской партии России.

ции “Континента России” является православная традиция¹. В то же время для европейского традиционализма в большей степени была характерна “неоязыческая” идея.

Для тоталитарных режимов, как правило, характерна не традиционалистская, а революционная фразеология. “Мировая революция” в советской России, “Национальная революция” в гитлеровской Германии, “Революция чернорубашечников” в Италии по сути служили формулами, знаками периода становления нового, тоталитарного режима. “Революционность” режима подчеркивала разрыв с прошлым, точнее, с непосредственным прошлым – в большей степени в России и Германии, в меньшей – в Италии, где сохранились основные атрибуты предшествующей государственности, прежде всего монархия Савойской династии.

В то же время, обращение к идеалам прошлого также естественно для любого тоталитарного режима, самооценка которого повышается при наличии достойных предшественников. В советской России в качестве “идеального прошлого” провозглашались элементы “классовой борьбы” минувших эпох, причем революционность отыскивалась даже там, где ее не было вообще (наиболее ярким примером может служить образ “первого восстания рабов на территории СССР” – движения Савмака в Боспорском царстве в конце II века до н.э.). Идеологи национал-социализма постоянно обращались к германскому язычеству с его культом героя, жертвующего собой; древнегерманская мифология – естественно, в преломленном, модифицированном восприятии филологов и историков XIX – начала XX века виде – отразилась в мифологии национал-социализма, прежде всего в мифологии СС². При этом следует отметить, что как в России, так и в Германии идеологи тоталитаризма обращались к мифологическому прошлому, к миру, которого в реальности не было, созидая героические мифы о собственном прошлом (для любой религиозной или квазирелигиозной идеологии значительную ценность имеет ее “традиционность”, освященность древностью).

В этом отношении заметно отличался от обеих данных форм тоталитаризма итальянский фашизм. Фашизм обращался к древней, но реально существовавшей традиции – традиции древнего Рима, Римской империи, и к традиции Рима папского, средневекового, озаренного универсальной идеей Мировой Империи. Идея III Рима, Рима фашистского, возрождающего величие, утраченное Италией и Римом в XVII – XIX веках, нашла свое отражение в идеологии фашизма.

¹ Дугин А. *Мистерии Евразии*. М., 1996. С.140.

² Подробнее см.: Гудрик-Кларк Н. *Оккультные корни нацизма*. М., 1998.

Обращение к традиции Италии, к ее великому прошлому в фашистской идеологии было обусловлено не только итальянской исторической традицией¹, но и влиянием итальянских традиционалистов, прежде всего Юлиуса (Джулио Чезаре Андреа) Эвола (1898-1974), идеолога “языческого империализма” и “консервативной революции”.

Отношения Юлиуса Эвола и фашизма развивались сложно и неоднозначно. Для большинства исследователей характерна оценка деятельности Эвола как проявления “правого антифашизма”, как “критики фашизма справа”; возник даже термин “антидемократический антифашизм”². Однако в настоящее время оценка взаимоотношений фашистского режима и Юлиуса Эвола, фашистской идеологии и традиционализма не столь однозначны. Конечно, фактом остается то, что фашистская цензура искажала тексты Эвола при их публикации, что в конечном итоге был закрыт журнал Эвола “La Torre”, но столь же существенным является факт тесного сотрудничества между Эволой и Роберто Фариначчи в газете “Il Regime Fascista”. Для Юлиуса Эвола оказалась во многом неприемлемой именно реальная практика фашистского государства, часто основанная на компромиссе с “либеральным” государством – монархией Савойской династии, на компромиссе с католической церковью³ и т.д. Монархия для Эвола – одна из высших ценностей, но монархия традиционная, а не либеральная, по сути искаженная, извращенная. Неприемлемым для Эвола казалось также обращение фашизма к традиции итальянского Рисорджименто, в частности, к Мадзини – с точки зрения Эвола, Мадзини пытался синтезировать несовместимое – Рим и социализм, искажая идеалы “римского” Рима “прогрессом”⁴. В то же время ликторский культ, прославление Имперского Рима воспринималось Эволой значительно более благоприятно.

Пропаганда Древнего Рима как образа, как своего рода героического мифа занимала значительное место в жизни фашистской Италии. Муссолини говорил: “Рим – это наш отправной пункт и наша взаимосвязь, это наш символ, это наш миф”⁵. По решению Муссолини была начата расчистка центральной части Рима – района *Fori Imperiali*, где в эпоху Римской Империи находился центр города – форумы эпохи Республики, Юлия Цезаря и Октавиана Августа. Древние памятники были освобождены от строений последующих

¹ См.: Gentile E. *La Grande Italia. Ascesa e declino del mito della nazione nel ventesimo secolo*. Milano, 1997. P. 191-194.

² См., например: Tarchi M. *Julius Evola e il fascismo // Cultura e fascismo. Letteratura arti e spettacolo di un Ventennio*. Firenze, 1996. P. 123-125; Rossi M. “Lo stato democratico” (1925) e l’antifascismo antidemocratico di Julius Evola. P. 5-43.

³ “Семитский элемент пошел дальше и узурпировал универсальный символ Рима. Возникла Католическая Церковь...” (Эвола Ю. *Языческий империализм*. М., 1994. С. 29).

⁴ Эвола Ю. *Языческий империализм*. С. 64-66.

⁵ *Dizionario Mussoliniano*. Bologna, 1994. P. 153.

эпох, расчищены и открыты для обозрения. Сам Муссолини лично участвовал в работе по разрушению поздних построек и расчистке древних зданий. При этом Муссолини предполагал, что в центре Рима должны быть снесены все строения “веков упадка”, наступивших после смерти императора Августа¹. Постепенно формировался образ Муссолини как наследника Цезарей, императоров Древнего Рима, как носителя идеи Littorio – ликторского культа. Однако, как отмечал Эвола, “фашистская клятва римскому символу еще очень далека от клятвы римско-языческой...”².

Высшими ценностями, доминировавшими в идеологии традиционалистов-интегралистов, были идеи аристократизма, антидемократизма, традиции и иерархии³.

Идея Иерархии (Gerarchia) – “принципа, являющегося предпосылкой новой идеи государства”⁴ – вообще была одной из основополагающих идей в творчестве Юлиуса Эвола. Столь же важен был принцип Иерархии для фашизма – не случайно теоретический журнал фашистской партии, основанный Муссолини, так и назывался “Gerarchia”. Иерархия создает систему взаимоотношений в обществе, прежде всего отношений между элитой и толпой, массой.

Следуя точке зрения Гюстава Ле Бона, Эвола анализировал фашистское движение через теорию толпы, через “женский характер” толпы. “Толпу легко направить на смерть ради триумфа веры или идеи”, – цитировал Ле Бона Юлиус Эвола и отмечал, что наиболее естественным для итальянской толпы будет ее обращение к вере в “итальянизм”, в итальянскую традицию⁵. Именно таким путем фашизм, легко воспринимающийся массами и способный управлять ими, сможет сблизиться с Традицией.

Пытаясь найти путь к трансформации фашизма, Эвола начал сотрудничать с идеологами фашизма. Уже в 1925 г. он вступил в контакт с Джузеппе Боттаи, теоретиком корпоративизма и издателем журнала “Critica Fascista” который получил известность своей формулой: “фашизм должен быть не только мускулистым, но и интеллектуальным”⁶. Юлиус Эвола опубликовал в журнале Боттаи несколько статей, в которых, как и во время личных встреч с Боттаи, подчеркивал возможности формирования новой идеологической и политической структуры тоталитарного государства с использова-

¹ Мэк Смит Д. *Муссолини*. М., 1995. С.162-163.

² Эвола Ю. *Языческий империализм*. С. 134.

³ Rossi M. “*Lo stato democratico*” (1925) e l’*antifascismo antidemocratico di Julius Evola*. P. 9.

⁴ Эвола Ю. *Языческий империализм*. С.38.

⁵ Rossi M. “*Lo stato democratico*” (1925) e l’*antifascismo antidemocratico di Julius Evola*. P. 34-35.

⁶ Innocenti M. *I gerarchi del fascismo. Storia del Ventennio attraverso gli uomini del Duce*. Milano, 1997. P. 85.

нием традиционалистских идей и взглядов¹. Подчеркивая необходимость более глубокого обращения к языческой, римской традиции, Эвола отмечал в своей статье “Антифилософский фашизм и средиземноморская традиция”, опубликованной в журнале “*Critica Fascista*”, что “наши антихристианские утверждения мы должны очень четко отличать от нашей точки зрения на католиков... Мы ощущаем слабое веяние языческого духа, еще очень отдаленное, и в этом состоит трагедия фашизма”. С католиками возможно сотрудничество, но для фашизма необходимо полное обращение к языческим корням, и это придаст ему новый импульс, полагал Эвола². Именно языческие элементы национал-социализма привлекали Юлиуса Эволу, и он полагал, особенно в 1930-х гг., что влияние национал-социализма может подтолкнуть фашизм к трансформации в сторону языческой, дохристианской, римской традиции.

Оценивая фашизм в 1928 г. в своей книге “Языческий империализм”, Эвола писал: “В Италии фашизм уже ведет борьбу против парламентаристской язвы, против демократии и социализма. Воля к порядку и иерархии, к мужественности и к авторитету должна привести к новой национальной реальности. Признание позитивной стороны этого движения не исключает, однако, многих присущих ему ограничений, и, если таковые не будут преодолены, то тогда они лишь еще более отдалят Италию от истинного, традиционнораристократического возрождения”³ Эвола указывал на опасность влияния христианства на фашизм. В тот период Эвола считал, что национал-социалистическое неоязычество в Германии во многом может способствовать дальнейшему “традиционалистскому” преобразованию итальянского фашизма и сближению “фашистской” и “консервативной” революции⁴.

Позднее, в ходе второй мировой войны, Юлиус Эвола изменил свой взгляд на перспективы взаимоотношений фашизма и национал-социализма. С 1941 г. он всё более последовательно подчеркивает историческое превосходство фашизма, “римской идеи” (*romanità*) над германским неоязычеством (хотя первоначально расовые идеи Эволы крайне положительно воспринимались в Германии)⁵. Консервативная революция в Германии не получилась. Национал-социализм остался социалистическим по сути движением, насле-

¹ Rossi M. *L'avanguardia che si fa tradizione: l'itinerario culturale di Julius Evola dal primo dopoguerra alla metà degli anni trenta* // Storia contemporanea. 1991. N 6. P. 1075.

² Evola J. *Fascismo antifilosofico e tradizione mediterranea* // Critica fascista. 1927. 15 giugno. P. 17.

³ Эвола Ю. *Языческий империализм*. С.133.

⁴ Там же. С.129-131.

⁵ Hoffend A. “Verteidigung des Humanismus”? *Der italienische Faschismus vor der kulturellen Herausforderung durch den Nationalsozialismus* // Faschismus und Gesellschaft in Italien. Staat. Wirtschaft. Kultur. Köln, 1998. S. 191, 194.

дующим традиции ненавистной Эволе Реформации. Публикация Юлиусом Эволой в германском журнале “*Europäische Revue*” в 1942 г. статьи “Рейх и Империя как элементы нового европейского порядка”¹ вызвала резко отрицательную реакцию германского руководства. В своей работе Эвола вновь подчеркивал превосходство римской языческой Империи над германской Священной Римской Империей средневековья, основанной на компромиссе с христианской католической церковью, и сформулировал идею, что не германский Рейх, а исключительно Римская Империя (идеалы которой наиболее ярко отражены в итальянском фашизме) может служить основой для становления нового порядка в Европе. Новый европейский порядок должен служить воплощением “римского мира” (*Pax Romana*), где Рим берет на себя функции опеки и контроля, награды и наказания, а не жестокости и подавления – такой взгляд Эволы не вполне соответствовал реальным условиям 1942 года.

После переворота 25 июля 1943 г. и падения фашистского режима Юлиус Эвола прекратил сотрудничество с фашистскими изданиями, в том числе и с “*Il Regime Fascista*” Р. Фариначчи². Оставаясь противником либеральной демократии, Эвола пришел к выводу, что попытка Консервативной Революции потерпела неудачу прежде всего потому, что фашизм не понял своей “сакральной задачи” и не смог до конца воплотить программу консервативного традиционализма³.

Таким образом, нам представляется, что невозможно отрицать влияние идей “языческого” традиционализма Юлиуса Эволы на развитие идеологии итальянского фашизма. В то же время между традиционализмом и фашизмом существовало множество расхождений – как в теоретических построениях фашистских идеологов, так и в практической реализации фашистских идей. В конечном итоге фашизм “не оправдал надежд”, которые возлагали на него итальянские традиционалисты – ни как идеология “возрождения Империи”, ни как практическая реализация идеи восстановления величия Рима.

¹ Evola J. *Reich und Imperium als Elemente der neuen europäischen Ordnung* // *Europäische Revue*. 1942. N 18. S. 69-75.

² Tarchi M. *Julius Evola e il fascismo*. P. 138.

³ Дугин А. *Консервативная Революция Юлиуса Эволы* // Эвола Ю. *Языческий империализм*. С. 162-163.